

Слово художественного текста как требование сочувственного, творческого понимания: введение в педагогическую герменевтику

Исследования современной лингвистики в рамках антропоцентрической парадигмы помогают нам обратиться к изучению «души языка», т.е. опредмеченному в нем мировидению человека, его сознания и мышления.

Система, взаимосвязь трех составляющих – языка, культуры и человеческой личности – позволяет сориентироваться в выборе направления при поиске ценностей развития человека и ценностей образования. Хочется верить, что возможно объединение поисков педагогов и филологов через признание общей цели - через язык открыть доступ к Человеку.

Говоря о системе языка, можно с уверенностью утверждать, что слово не возникнет из сочетания морфем, так же, как и фраза (предложение) не возникнет из сочетания слов. Очевидно, необходимы усилия, чтобы вызвать слово, фразу – то есть текст – к жизни. Что же необходимо, чтобы *родилось понимание* художественного текста, того *произведения*, где множителями (участниками) являются и автор, и читатель, и пространство-время самого текста и в тексте, и контекст тех времен, когда писалось и читалось, и еще многое из того, что рождает и способствует жизни настоящего Слова настоящего Текста!? Что является центральной осью, реализующей и охраняющей связь различных сфер бытия художественного текста, человека и пространства его жизни и образования в том числе?

При исследовании понимания художественного текста, не обойтись без таких понятий как *интерпретация, анализ, смысл и др.* Что же стоит за этими понятиями, когда идет речь о таком исследовании языка художественного текста, которое имеет своей целью глубокое и целостное восприятие, понимание художественного произведения, включая человека, познающего и создающего себя и мир? Именно такое понимание есть движение к смыслу, и оно связано с вхождением читателя внутрь художественного пространства.

Особенности художественного текста, языка художественного произведения, представляющие собой целую систему, воздействующую на образное, т. е. на интуитивное мышление человека, рассчитаны на встречные усилия со стороны читателя, и, прежде всего, на его сопереживание. Ведь во время чтения происходит встреча. Мир, созданный автором художественного произведения, только тогда становится реальным, когда его образы соотносятся с образами конкретного читателя, с образами «моего собственного» мира. Реальность художественного мира ощущается по тому воздействию, которое проявляется в преображении читателя, превращающегося в соавтора. Только такое взаимодействие-преобразование можно считать настоящим чтением-сотворчеством. Именно это и есть *искусство интерпретации*, когда актуализируются нравственные ценности читателя через соотнесение их с миром, созданным автором

художественного произведения в контексте транслируемых культурой духовных ценностей (восхождение к образу).

В.П. Зинченко в своей книге «Живое знание» перечисляет различные уровни понимания, последний из которых – творческое понимание. Этот уровень «предполагает, наряду с извлечением, означением и трансляцией смысла, порождение и оформление нового смысла» [3: 110]. Только ради такого понимания, с нашей точки зрения, и создаются великие художественные произведения, только ради такого понимания стоит читать художественную литературу.

Понимание и интерпретация текста выстраивают человека думающего, понимающего бесконечность смысла. Результатом работы понимания является новый смысл и новый человек. Педагогическая герменевтика и ориентируется на «выращивание» человека думающего, порождающего свой смысл как свой мир, созидающего себя творцом.

Г.-Г. Гадамер, определяя язык как универсальную среду, в которой осуществляется само понимание, а истолкование как способ этого осуществления, подчеркивает, что понимание при чтении текста - это не повторение чего-то уже бывшего, это причастность к настоящему смыслу [2:452].

Родной язык, обработанный в форме художественного текста, предстает перед читателем пространством самосозидания. Интерпретация художественного текста через осознанную работу с языковой формой, эмоциональной и смысловой наполненностью языковых единиц готовит человека к *сочувственному* пониманию, которое «воссоздает всего внутреннего человека в эстетически милующих категориях для нового бытия в новом плане мира» [1: 91].

Способность приобщения к художественному тексту как к источнику духовных знаний о мире, выход на них через сознание законов художественного творчества, встраивание себя в этот заново творимый мир, освященный нравственным законом существования высшей реальности – это уже есть такая интерпретация художественного текста, которая свидетельствует о глубинной работе понимания. *Именно на этот этап выводит* освоение читателем знаковой системы языка писателя и создание внутренне значимых связей между ним и идеальным образом автора, растворенного в художественной ткани текста.

Небольшой отрывок, один абзац, рассказа И.А.Новикова «Серебряная свадьба» демонстрирует это чудо – преобразование слов в яркую картину, документ, подтверждающий родословную человека, понимающего родной язык как путеводную нить, питающую настоящего Человека. На наш взгляд, эта немногословная зарисовка очень откровенно рассказывает и показывает, как человек ощущает себя кровным родственником своего народа, понимает это вдруг и сразу. Запах, звук, сказка и история – все наполняется живой кровью. Слова становятся не просто знаками, а настоящим миром, той реальностью, куда человек стремится и где начинается.

Вот текст Н.А. Новикова: ... Сено душисто и пряно, его аромат возбуждает, даже немного пьянит, но опьянение это вовсе особого свойства: в нем смешано множество запахов, и в запахах этих такое же множество темных воспоминаний, и при этом не только своих, в коих волен отдать себе ясный отчет, но и древней – родовых, может быть даже общенародных. Это как бы какой-то развернутый в хаосе запахов эпос, но поет его, от ступени к ступени, не древний рапсод, а и дышит в лицо память былого, которое есть и настоящее; дышит земля в этих травах, пахучих и терпких, и памятливых. Так дышит полынь далекой татарщиной; и прядка осоки, павшей под лезвием быстрой косы (и самый-то звук, как она вжикнула под лезвием острой косы, был звуком оттуда, из стародавних времен), прядка осоки хранит аромат едва ли не от седой старины сказочной бабы-яги и серого волка; и вот этот аккуратненький шомпол Тимошки – это двенадцатый год, и ополчение, и французы... Не спорю, быть может, это последнее и слишком индивидуально, но я хотел передать, как все насыщено преходяще-непреходящим, как это бывает всегда, когда ступишь на землю, и как это, в частности, буйно шумит в голове и в крови, когда опьяняешь себя, глоток за глотком, густою эссенцией запахов – на сенокосе – на русском лугу [4: 170].

В этом тексте общеизвестные слова приобретают некие приращения смысла, которые и позволяют пониманию выстраивать новый мир. Для входа в этот мир необходимо особое состояние - «опьянение особого свойства». Вне этого состояния, видимо, мир воспринимается «трезво» – отделенность звука от цвета, света от времени, события от человека, прошлого от настоящего и будущего. А душистый и пряный аромат на сенокосе, на русском лугу – этот хаос запахов – устанавливает связь с древней, общенародной памятью. Это опьянение особого свойства, как выход за пределы трезвости, позволяет сознанию мгновенно оказываться в какой-то высокой точке, откуда обзираешь сразу все. Это все и есть народный эпос – связанный в единое целое рассказ о многом и разном – одним словом, текст. Эпос как история народа не только хранится в хаосе запахов, но и живет – «дышит в лицо». Это дыхание может ощутить только живой человек, тот человек, у которого есть специальная способность воспринимать дыхание Земли – «память былого, которое есть и настоящее». Дышит история, дышит земля, дышит полынь – дыхание как проявление жизни в руках человека, владеющего языком.

Эту способность – связывать, соединять знак (запах или цвет) с определенным пространством – «выращивает» и проявляет в человеке слово родного языка. Слово пронизывает и связывает собой жизнь человека в мире, сам мир, проявляя различные пространства этого мира на родном для него языке. С помощью языка человек природняется к миру, ощущает его в полноте, прозревая сразу настоящее-прошедшее-для-будущего.

Русское слово в художественных текстах реализует свою природную способность выводить человека за пределы только своего, частного мира, в мир большой, в космос.

Живое слово родного языка соединяет людей, помогает человеку искать своих, превращать **чужих** и **других** в своих **друзей**, в **чудо**.

Только от человека зависит, превратит ли он слово в Слово. Причем, мы понимаем, что сила Слова зависит и от Человека, пишущего и говорящего, и от Человека, понимающего, вступающего в диалог, т.е. отзывающегося, слышащего зов, зов истины. Язык призывает человека быть перекрестком, на котором совершается понимание, способствующее сотворению смысла.

Слово вовлекает Человека (писатель плюс читатель) в единое пространство, и процесс понимания такого слова есть пример истинного сотворчества, пример настоящего «круговорота общения», как трактует само слово **Слово** словарь культуры [5: 247]. Мы видим сущность этого общения не только в процессах между «разговаривающими субъектами», но главным образом – между Человеком и Словом. Эти участники сущностного общения обмениваются своими энергиями, питают друг друга своим потенциалом.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества /Сост. С.Г.Бочаров; Текст подгот. Г.С.Бернштейн и Л.В.Дерюгина; Примеч. С.С.Аверинцева и С.Г.Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424с. – (Из истории сов. Эстетики и искусства).
2. Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред и вступ ст. Б.Н.Бессонова.– М.,1988. – 704с.
3. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть 1. Живое знание. – Самара, 1998. – 269с.
4. Новиков И. Серебряная свадьба//Новиков И.А. Калина в палисаднике: повести, рассказы/ И.А.Новиков; сост. М.Н.Новикова-Принц; послесл. Я.В.Волкова; оформл. А.С.Макарова. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1982. – 317с. – С. 164-172.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824с.